

- Kemper 2004 – Kemper, D.: „Ineffabile“: Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. (In German)
- Kritschil 1999 – Kritschil, L.: Zwischen „schöpferischer Kraft“ und „selbstgeschaffnem Wahn“. Die Imagination in Goethes Romanen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1999. (In German)
- Löffler 2005 – Löffler, J.: Unlesbarkeit: Melancholie und Schrift bei Goethe. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. (In German)
- Wergin 1980 – Wergin, U.: Einzelnes und Allgemeines: Die ästhetische Virulenz eines geschichtsphilosophischen Problems. Untersucht am Sprachstil von Goethes Roman „Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden“. Heidelberg: Winter, 1980. (In German)

Сведения об авторе:

Максимов Борис Александрович – МГУ им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики; кандидат филологических наук
E-mail: esprit25@rambler.ru

Maksimov Boris A. – Moscow State University; Faculty of Journalism, Department for Foreign Journalism and Literature, senior fellow; PhD.
E-mail: esprit25@rambler.ru

И. В. ГЁТЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ КАНОН: ТРАДИЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

П.В. Абрамов

Высшая школа сценических искусств, Москва

***Аннотация:** В статье рассмотрена проблема соотношения коллективной и автобиографической памяти, выявлена роль нарратора в процессе создания автобиографического текста. Роман И.В. Гёте «Из моей жизни. Поэзия и правда» рассмотрен в русле жанровой традиции автобиографической прозы как некий «идеальный» текст, ставший впоследствии жанровым каноном для следующих поколений. Высказана гипотеза о дополнительном генерировании смыслов в автобиографии Гёте, когда «поэзия» создаёт некую «высшую реальность», художественную правду, имеющую непреходящую ценность для потомков. Нарративный дискурс понимается в русле теории Ф. Лежёна и исследований жанра автобиографии в Германии Г. Миша и Б. Ноймана. Впервые предпринята попытка соединения идеи прарастения у Гёте и общего замысла автобиографии, как создание цельного образа творческой личности – подтверждения исканий поэта-натуралиста практическим осмыслением творчества. В заключение показана динамика развития жанра и его сегодняшняя деконструкция и разрушения в поздней «трилогии памяти» Гюнтера Грасса.*

***Ключевые слова:** нарратор, Гёте, автобиография, канон, когнитивный подход, семантические маркеры, нарративный дискурс.*

J. W. GOETHE AND THE AUTOBIOGRAPHICAL CANON: TRADITION IN THE MIRROR OF TRANSFORMATION

***Abstract:** The article deals with the problem of correlation of collective and autobiographical memory, reveals the role of the narrator in the process of creating an autobiographical text. The autobiography by J.W. Goethe «From my Life: Poetry and Truth» was considered along the lines of the genre tradition of autobiographical prose as a kind of “perfect” text that later became the genre canon for future generations. A hypothesis was expressed on the additional generation of senses in Goethe’s autobiography, when “poetry” creates a kind of “higher reality”, an artistic truth that has lasting value for posterity. Narrative discourse is understood in line with the theory of Ph. Lejeune and the research of the autobiography genre in Germany by G. Misch and B. Neumann. For the first time, an attempt was made to connect the Goethe’s idea of the “Urpflanze” and the general idea of*

his autobiography, as the creation of an integral image of a creative personality – a confirmation of the quest of a poet-naturalist, a practical understanding of creativity. In conclusion, the dynamics of the genre development and its current deconstruction and destruction in the late „trilogy of memory“ by Günther Grass are shown.

Keywords: *narrator, Goethe, autobiography, canon, cognitive approach, semantic markers, narrative discourse.*

Проблема индивидуальной, коллективной и автобиографической памяти, её изменения и интерпретации является сегодня центральной темой не только в литературоведении, но и в аналитической психологии, теории познания, семиотике и в структурной лингвистике. Передача и хранение информации, интерсемиотическое и межкультурное осмысление исторических фактов и реалий, их оценка и трактовка получили в начале нашего столетия новый вектор развития. Изменения коснулись и такого достаточно канонического в жанровом отношении пространства текста, как автобиографическая проза.

Обращение к коллективной памяти читателя той или иной автобиографии становится одним из необходимых условий для автора повествования. А между тем следует отметить, что подобные эксперименты имели место ещё на заре возникновения **автобиографического канона**, и именно в Германии в эпоху Гёте получили своё широкое распространение. Однако с течением времени текст автобиографии становится всё более полиморфным; нередко автор включается вместе с читателем в семиотическую игру припоминания и декодирования смыслов. Это не означает, что автор «навязывает» читателю некие модели восприятия, напротив – порою нарратор подчёркнуто бесстрастен, он излагает факты весьма скупым языком, но умело использует определённые – предметные, пространственные – привязки, узнаваемые места действия, приметы быта, упоминание известных личностей, языковые особенности, фразы, ставшие крылатыми или имеющие ту или иную социальную, временную или диалектную окраску.

Таким образом, писатель обращается уже фактически к подсознанию читателя, умело переключая и варьируя регистры коллективной памяти. Можно предположить, что элементы немецкого **автобиографического канона**, заложенные И. В. Гёте в «Поэзии и правде» в начале XIX века, сегодня уверенно эволюционируют в направлении постмодернистской нарративной техники коллажа с элементами пастиша, иначе говоря, стилизации «*под старину*», игрой с жанрами и временами. Верно и обратное: уже в этом тексте Гёте, как в синкретической колыбели, были заложены все интенции по части трансформации автобиографического текста. Изучение текста Гёте доказы-

вает наличие в нём тех структурных формообразующих элементов, которые получают свою актуализацию почти два столетия спустя.

Соответственно, можно говорить о том, что с течением времени трансформируется и само понятие канона. В нашем случае это, несомненно, некий исходный, изначальный пра-текст, имеющий мощные импульсы к последующей трансформации в русле автобиографического жанра.

Согласно программному исследованию Филиппа Лежёна [Lejeune 1994], каждый автор автобиографии заключает с читателем своего рода автобиографический пакт, договор, вовлекая читателя в коммуникативную игру. В этом смысле автобиографический канон – не закрытая структура, а динамическая изменяемая модель с неизменными (базовыми, архетипическими) жанровыми принципами (атрибутами), такими как:

- линейность/нелинейность автобиографического времени;
- авторское «я» героя и взгляд на него со стороны;
- внешняя среда и атмосфера;
- раскрытие собственной индивидуации через автобиографирование (согласно Алейде Ассман);
- внутренний диалог с самим собой;
- саморефлексия и трансформация жизненного опыта в экзистенциальный.

Ретроспекция собственной жизни, следовательно, есть один из самых древних приёмов нарративного повествования, находящий свой отклик в сказках, легендах, житийной литературе, исповедях, тесно связанный с психологией индивидуального творчества.

«Поэзия и правда» И. В. Гёте как некий метатекст вместила в себя все предпосылки автобиографической традиции, присутствовавшей в прозе Европы, начиная от формы древних памятников до современных поэту автобиографий, и, вместе с тем, текст Гёте направил мощный импульс в будущее, по сути, укоренив в немецких землях почти на двести лет следование некоему канону как в жанрово-стилистическом, так и в общекультурном смысле. Возникнув на стыке эпох Просвещения и романтизма, «Поэзия и правда» потому и сложна для дефиниции по принадлежности к эпохам, что стоит как бы вне времени и пространства, в ней скрыты в синкретической форме как истоки, так и русла всех форм автобиографического повествования. Подобная универсальность не только послужила поводом для известного исследователя Георга Миша (автора восьмитомной истории автобиографии) назвать текст Гёте «универсальным» [Misch 1969, 918], но и поместила его произведение в разряд того канона, о котором Эрих Трунц ещё в 1950-е гг. сказал: „...es gibt in der Weltliteratur keine größere Autobiographie“.

Отталкиваясь в основном от автобиографий своих современников: Руссо, Бомарше, Юнг-Штиллинга, К.Ф. Морица, И.Г. Гамана, Гёте рассматривал себя и своё творчество не только символически (об этом он писал в письмах к Шарлотте фон Штейн), не только *sub specie aeternitatis*, но и в контексте собранных им самим воспоминаний и свидетельств современников.

Поэт собирал мемуарные свидетельства, нередко изымая у своих корреспондентов переписку, фрагменты воспоминаний, редактируя и оформляя их в русле совершенно нового для своего времени понимания текста, претендующего в своих глобальных обобщениях на *автомиф*. Недаром поэт постоянно подчёркивал в письмах к друзьям: «рассматриваю себя символически»; этот «взгляд со стороны», умение претворять явления частного, даже бытового порядка, в символ – отличительная черта раннего автобиографизма Гёте. Темпоральные, пространственные, событийные привязки делали текст Гёте многоплановым, изменчивым, что позволяло поэту, наряду с документальными свидетельствами, добавлять символические эпизоды, которые позднее обеспечивали широкое поле для интерпретаторов его творчества: эпизод с битвём глиняной посуды (рассмотренный впоследствии З. Фрейдом), эпизод со встречей двойника (перед прощанием с Фредерикой Брион), вставные сказки и притчи – так в контекст повествования включались излюбленные категории мировосприятия позднего Гёте: „Daimon“ (демоническое в гениальной творческой личности) и „Tuche“ – случай. Важные элементы саморефлексии создавали фон объективного и критического восприятия как собственной жизни, так и контекста описываемой эпохи. Разбор и оценку синкретичности языковых и художественных моделей в «Поэзии и правде» следует проводить с пристальным вниманием к роли нарратора в контексте трансформации культурной и индивидуальной памяти.

Текст автобиографического повествования поэта может быть рассмотрен как в русле выявления семиотических аспектов художественной значимости текста, так и с точки зрения когнитивной лингвистики, поскольку язык повествования, как и образ рассказчика у Гёте, чрезвычайно гибок и многогранен.

Очевидно, что образ рассказчика в «Поэзии и правде» И.В. Гёте обладает чрезвычайной подвижностью, полиморфностью и свойством генерировать сюжетные линии в повествовании. Поэт постоянно использует „игру масок“ (П. де Ман), смешивает пласты реального и вымышленного в тексте, причём концепт „Dichtung“ выступает у него в духе философии М. Хайдеггера как „уплотнённая реальность“, порождающая и моделирующая Правду, именно этим можно объяснить порядок слов в заглавии.

Гёте нередко уподоблял себя сказочнику, говоря о своей автобиографии как о „Lebensmärchen“ [Blod 2003]; в этой связи представляется продуктивным рассматривать его роль нарратора в указанном тексте в когнитивном аспекте кодирования информации (для современников и для потомков), отсылки к архетипическим смысловым структурам (элементы описания родного дома, кукольного театра, свидания с Фредерикой), в русле явных или скрытых семантических маркеров поведения (эпизод с битвём глиняной посуды, встреча с двойником). Гёте-рассказчик открывает доступ к домысливанию и воссозданию в сознании каждого читателя некоего образа-архетипа поэта, словно изначально полагаясь на силу воображения, фантазии и образно-символические законы языка. Это, вероятно, и послужило поводом для его высказывания относительно своей автобиографии, которое зафиксировал канцлер фон Мюллер: „Die wahre Geschichte der ersten zehn Jahre meines weimarischen Lebens könnte ich nur im Gewande der Fabel oder eines Märchens darstellen, als wirkliche Tatsache würde die Welt es nimmermehr glauben“ [Müller 1956, 281].

Исходя из этого, можно предположить, что Гёте выстраивает в автобиографии индивидуальный и субъективно значимый гипертекст, включая в него две придуманные им сказки, помещённые в корпус повествования.

Стилистическая и повествовательная структура «Поэзии и правды» неоднородна: Гёте постоянно варьирует приёмы повествования. Если в самом начале он помещает «письмо друга», в котором мы видим просьбу о написании автобиографии, более того, оно уже предопределяет хронологию и некий план изложения истории (письмо – первая и не единственная мистификация Гёте, оно написано самим поэтом), то в дальнейшем повествование становится менее официальным, а тон – более задушевым. «Друг» выступает здесь, по замечанию Д. Кемпера, в «качестве идеального представителя читающей публики» [Кемпер 2009, 321]. Читатель, вслед за автором, погружается в мир воспоминаний и грёз; поэтом моделируется новая, «автобиографическая» реальность, где достоверность факта (согласно известной максиме Гёте) ничего не значит – важно её символическое значение [Эккерман 1999, 435].

Подобное выстраивание автобиографической повествовательной модели удачно соотносится с постмодернистской парадигмой нарративного дискурса, точно отражённой Г. Грассом в его «Луковице памяти», где прошлое, настоящее и будущее смешиваются в сознании рассказчика: «...неточные воспоминания порою приближают нас к правде, пусть даже и окольными путями» [Грасс 2008, 11] – взаимосвязь этого парадокса с заглавием воспоминаний Гёте более чем очевидна.

Учитывая все вышеупомянутые игры памяти и её вовлечение в нарративный дискурс, можем предположить, что язык повествования в «Поэзии и правде» в своём когнитивном аспекте начинает работать как особая система, позволяющая автору не только осмыслять своё творчество, прожитую жизнь, но и психологию собственного поведения в определённые моменты времени.

Поясним мысль подробнее: уподобляя свою автобиографию жанру „Lebensmärchen“, Гёте не только вводит в обращение разговорный дискурс, но и подразумевает некую адресность повествования. Он «рассказывает» свою жизнь, однако, учитывая некую «заданность» жанра, следует поставить вопрос: возможно ли жанровое воздействие на сознание нарратора и моделирование им речевых (письменных) конструкций? Моделирует ли его сознание некую повествовательную манеру уже в заданном ключе? Иными словами: может ли язык, речевой акт воздействовать на сознание говорящего?

Так, по замечанию А. Е. Кибрика, ещё в 1921 году Эдвард Сепир сформулировал «презумпцию будущей когнитивно-ориентированной лингвистики»: «С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее или потенциальное содержание речи. <...> Язык можно считать лишь высшей гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщённом уровне символического выражения» [Кибрик, 2015, 29–30].

В этой связи целесообразно поставить вопрос: не есть ли письменный язык при некоторой заданности и изначальном программировании жанра – вторая моделирующая система, связанная обратными/возвратными ходами с сознанием автора? Парадоксальность подобного утверждения, однако, не будет казаться столь явной, если мы обратимся к истории создания текста «Поэзии и правды». Поэт долго обдумывал первоначальный план глав, составлял подробный конспект, куда в итоге, поверх всех пунктов, вписал своей рукой (в беловой вариант переписчика) слово „Nogoskop“. И начинается автобиография с упоминания светил: «расположение созвездий мне благоприятствовало» [Гёте 1976, 12]. Однако, вероятно, вовсе не для того, чтобы отдать дань средневековой или иной мистической традиции (так трактовал этот пассаж в комментариях к Собранию сочинений Гёте А. А. Аникст), а для того, чтобы сразу вписать своё личное «Я» в контекст Вселенной, иными словами – рассмотреть свою личность как часть единого гармоничного круговорота природы. В этой связи чрезвычайно важной выглядит идея сопоставления автобиографического пути Гёте с его мыслями о пра-растении и становлении личности. Личности как явления единого, многообразного, неделимого целого. Здесь уместно вспомнить, сколь глубокую этимологию усматривали римляне в глаголе „dividere“ и существительном „individuum“.

Наконец, тот фактор, что Гёте нередко диктует текст «Поэзии и правды», даёт повод усматривать определённую логику в произвольных на первый взгляд переходах из форм прошедшего времени в *praesens historicum*.

Глубокой формой самопознания с элементами языковой и семиотической игры становится «сказка для мальчиков» «Новый Парис». Здесь с точки зрения нарративного дискурса мы усматриваем как скрытую манифестацию гениальности (свойственную Гёте по замечаниям друзей и биографов), детская сказка рассказывается пожилым человеком, так и элементы автокомментария, саморефлексии и размышления. Благодаря тщательно отобранному языковому моделям здесь происходит вторичное «проживание», экзистенциальное переосмысление жизни как цельной семиотической системы. Об этом впервые подробно в отечественной нарратологии говорится в монографии Е. Е. Сапоговой [Сапогова 2017].

Меняя регистры нарративного дискурса, Гёте создаёт собственное семиотическое поле в автобиографии, что позволяет ему свободно варьировать как временные пласты, так и оценочные суждения: он то осмысляет события с позиции истории, то заглядывает в будущее, что для жанра автобиографии весьма нетипично.

Важной представляется и попытка доказать взаимосвязь построения структуры книги и развития (роста) героя в ней с гётевской идеей *энтелехии* – единой и неделимой сущности, а также с идеей пра-растения. Причём рассматривается это понятие не только в русле социологической концепции самореализации и раскрытия личности, в традиции изучения автобиографии у Г. Миша и Б. Ноймана (так, Нойман определяет личность поэта как „Modell ungestörter entelechischer Entwicklung“ [Neumann 1970, 144]). В свете новейших переводов естественнонаучного наследия поэта (вышло два тома его естественнонаучных трудов в новых переводах на русский язык) интересно и продуктивно совместить концепцию *пра-растения* и идею формирования личности гениального творца как некоего архетипа, имеющего определённое воздействие как на современников, так и на потомков. Несомненно, возможно увязать это и с нашей гипотезой «семиотического равновесия». Когда в 1827 году вокруг поэта, прежде всего вокруг его литературных и политических взглядов, разгорелась борьба, инициированная движением «Молодая Германия»: Людвигом Бёрне, Карлом Гуцковым и примыкающим к ним Вольфгангом Менцелем (то есть с появлением хулителей и ниспровергателей образа Великого олимпийца), почти одновременно возникли и его защитники: берлинский салон Рахели Фарнгаген фон Энзе, где царил «культ Гёте», высказывания Генриха Гейне, публикации Карла Густава Каруса

и Фридриха фон Боденштедта. Подобный поворот событий отчасти предвидел и сам поэт. Когда появилась книга „Goethe in den wohlwollenden Zeugnissen der Mitlebenden“, он тут же посоветовал создать сборник „Goethe in den mißwollenden Zeugnissen“.

В «Поэзии и правде», а также в романах о Вильгельме Мейстере показано развитие и становление идеальной, с точки зрения Гёте, личности. Его идея метаморфозы растений выкристаллизовывается в этом тексте, что даёт нам право утверждать: автобиография Гёте есть своего рода *практическое оправдание теоретических естественнонаучных штудий и идей поэта*. Насколько активно трансформировал он свои идеи о пра-растении в (свою) автобиографию? В чём смысл «самораскрытия личности»? Наконец, может ли в автобиографии присутствовать «заданность» и программирование, как и в реальной жизни? Отсюда логично вытекает вскрытие смысла названия – «Поэзия и правда». Наконец, идея типизации, выстраивания автобиографического канона соотносится с наблюдением, сделанным Г. Мишем ещё в 1940-е гг. В 1790-е годы Гердер и Гёте планировали собрать в единый корпус все известные автобиографические тексты всех стран мира, вышедшие с древности до эпохи Просвещения, перевести и издать их в формате единой библиотеки «истории человечества» [Lejeune 1994, 383].

Можно предположить, что под пером Гёте возникает некий «идеальный текст». Вполне вероятно, что с развитием жанра автобиографии в XIX веке и особенно при его переходе в век XX в текстах всё отчётливее выкристаллизовываются заложенные Гёте в «Поэзии и правде» приёмы, таким образом, некая «идеальность» и «синкретичность» исходного текста постоянно находят своё *практическое воплощение*. Вершиной же станет полное *разрушение* автобиографического канона у Гюнтера Грасса.

Обращение к фигуре Г. Грасса в контексте исследования динамики парадигмы автобиографического канона неслучайно, поскольку его писательская манера обеспечила как ренессанс классической формы автобиографического повествования, так и его последующую трансформацию, и итоговую энтропию, и разрушение. Речь идёт о его автобиографических экспериментах со временем и с читательской памятью.

Чрезвычайно важен и до конца ещё не оценён автобиографический потенциал поздней «трилогии памяти» Г. Грасса, создававшейся им в период с 2003 по 2015 годы и вмещающей в себя романы «Луковица памяти» (2006), «Фотокамера» (2008) и «Слова Гриммов» (2015). Указанные произведения знаменуют собой возникновение принципиально нового принципа повествования в формате автобиографической прозы. Трансформируя и даже пародирова-

дируя заданный когда-то Гёте автобиографический канон, Грасс не столько анализирует свою жизнь и историю своего поколения, сколько исследует феномен индивидуальной и коллективной памяти, фокусируя внимание читателя на опасности утраты или «стирания» памяти как таковой. Образ памяти как «луковицы» возникает ещё в его раннем романе «Жестяной барабан», однако в позднем творчестве Грасс намерено усложняет семантическое поле памяти, вводя такие метафоры, как письмо, зеркальный шрифт, витиеватые знаки и даже – секретный код. Всё имеет вариативность прочтения, ложь и истина всё время где-то по соседству. Более того, подчёркивает автор: «ложь и её младшая сестра подделка составляют наиболее устойчивую часть воспоминаний» [Грасс 2008, 10].

По сути, Грасс развивает в излюбленном гротесковом ключе метафору Гёте из «Поэзии и правды», названную Полом де Маном *«игрой масок»*. Автор постоянно меняется в автобиографии с самим собой местами, применяет различную оптику, так что в итоге мы зачастую перестаём отличать вымысел от реальности.

У Грасса вопросы, комментарии, отступления постоянно «взрывают изнутри» достаточно традиционную форму автобиографического повествования: из-за метатекстовых комментариев автора оно рассыпается на мелкие кусочки-взаимоотражения, а автор между строк, подобно трикстеру, высмеивает и пародирует автобиографический канон.

К полной энтропии этого канона Грасс придёт через концепт «Память как Образ» в небольшой автобиографической книге «Фотокамера», а завершит фактическим разрушением (или деконструкцией) формы немецкого языка и устойчивых категорий нашей памяти в своём последнем большом романе „Grimms Wörter“ («Слова Гриммов», 2015). Этот во многом итоговый роман писателя наметил и современные тенденции в трансформации и дальнейшем развитии жанра автобиографической прозы в Германии. Рассматриваемый жанр как единая динамическая модель в своём литературном, культурном и семиотическом движении через указанные эпохи понимается нами как структурно-типологическая *универсалия* каждого конкретного автора и подчиняется, с одной стороны, общим законам жанра автобиографической прозы, с другой – подвержен постоянной трансформации при неизбежном соотношении с текстом, названным нами «исходным», ключевым для немецкой литературы – «Поэзией и правдой» Гёте. Непреходящая ценность этого текста подтверждается, прежде всего, новейшими обращениями писателей-классиков к своему национальному автобиографическому канону.

Литература

- Гёте И.В. Поэзия и правда // Гёте И. В. Собр. Соч. в 10 т., т. 3. М., 1976.
- Грасс Г. Луковица памяти / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2008.
- Кемпер Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. М., 2009.
- Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М., 2015. С. 29–60.
- Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии: экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб., 2017.
- Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. Калининград, 1999.
- Blod G. „Lebensmärchen“: Goethes „Dichtung und Wahrheit“ als poetischer und poetologischer Text. Würzburg, 2003.
- Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. Frankfurt a.M., 1993.
- Misch G. Geschichte der Autobiographie. In 4 Bd. Vierter Band, Zweite Hälfte. Von der Renaissance bis zu den autobiographischen Hauptwerken des 18. und 19. Jahrhunderts. Frankfurt a. M., 1969.
- Müller F. von. Unterhaltungen mit Goethe. Weimar, 1956.
- Neumann B. Identität und Rollenzwang. Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt a. M., 1970.

References

(Monographies)

- Kemper D. Gyote i problema individual'nosti v kul'ture ehpoli moderna [Kemper D. Goethe and the problem of individuality in the culture of the modern era]. Moscow. 2009. (In Russian)
- Kibrik A.E. Kognitivnyj podhod k yazyku. Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika. [Kibrik A.E. Cognitive approach to language. Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow, 2015. (In Russian)
- Sapogova E. E. Labirinty avtobiografii: ehkzistencial'no-narrativnyj analiz lichnyh istorij. [Sapogova E.E. Labyrinths of autobiography: an existential-narrative analysis of personal stories]. Saint-Petersburg, 2017. (In Russian)
- Blod G. „Lebensmärchen“: Goethes „Dichtung und Wahrheit“ als poetischer und poetologischer Text. Würzburg, 2003. (In German)
- Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. Frankfurt a.M., 1993. (In German)
- Misch G. Geschichte der Autobiographie. In 4 Bd. Vierter Band, Zweite Hälfte. Von der Renaissance bis zu den autobiographischen Hauptwerken des 18. und 19. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1969. (In German)

- Müller F. von. Unterhaltungen mit Goethe. Weimar, 1956. (In German)
- Neumann B. Identität und Rollenzwang. Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt a.M., 1970. (In German)

Сведения об авторе:

Абрамов Пётр Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры искусствознания и гуманитарных дисциплин «Высшей школы сценических искусств» (Москва), член Goethe-Gesellschaft (Weimar). – Научные интересы: личность и творчество И. В. Гёте, литература и культура эпохи Goethezeit, теория и практика поэтического перевода, семиотика и психология творчества, русско-немецкие литературные связи.
E-mail: p_abramow@mail.ru

Abramov Pyotr V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Art Studies and the Humanities in the Higher School of Performing Arts (Moscow), member of Goethe-Gesellschaft (Weimar). Scientific interests: I. Goethe's personality and work, literature and culture of the Goethezeit, theory and practice of poetic translation, semiotics and psychology of creativity, Russian-German literary connections.
E-mail: p_abramow@mail.ru